

разум, способный не замечать ужасов уродливой жизни и даже не чувствовать насилия и страданий».

Поэт Жан Кайроль в отрывке из книги «Стихи узника» — «Побег в мечту» — пишет: «В той жизни, что выпала нам, оставалось жить лишь галлюцинациями... В черный кошмар действительности вносили одну реальность — сверкающую реальность нашей мечты». Вот какое стихотворение было обнаружено в кармане куртки умершего в рабочей команде в Сербии венгра Миклоша Радноти:

Мечта-спасительница, лишь ты избавляешь от страданий избитое
тело.

Лагерь замирает. Каждый, вернувшись к нарам своим,
Засыпает с тяжелым храпом. И чудо...
Вот уж израненные, в лохмотьях, узники,
Оторвавшись от мрачных снов Сербии,
Летят к родной стране...

Только по этим стихам и удалось опознать Радноти, покоившегося среди других жертв на дне общего рва.

Поэт Робер Деснос вышел живым из лагеря смерти. Но умер в газовой камере Биркенау близ Освенцима Бенжамен Фондан. Погиб, замученный в лагере, Пьер Уник. Умер в госпитале Дранси Макс Жакоб, заклеянный желтой звездой... Убитые фашистами поэты. Их тысячи. И это им посвятил Деснос свою «Эпитафию»:

Я живу сегодня, как буду жить и через тысячи лет.
Я мертв. Я жил затравленный, но непокоренный.
В пору, когда был посажен в тюрьмы весь человечества цвет.
Но среди занумерованных рабов я остался свободным.
Да, я жил в те страшные времена...

Живые, что делаете вы теперь для судьбы мира?
Помните ли о годах, когда я боролся и умирал?
Отдаете ли труд и силы свои для общей жатвы будущего?
Украшаете ли тот город, где я некогда жил?

Прав А. Пузоль, когда называет поэзию, создававшуюся в фашистских концлагерях, «поэзией величия и неизменности человека, который никогда не был более велик и человечен, чем оказавшись в самых страшных условиях унижения и массового уничтожения». Но это еще и поэзия-свидетель, поэзия-памятник, поэзия-боец, ни на час не складывавший оружия и не отступавший от борьбы за будущее, за человека, во имя которого она и появилась на свет в самом логове смерти. Эта поэзия невиданного мужества и высокого гуманизма и сегодня поднимает свой голос в защиту мира.

Э. ПОПОВА

К ВОПРОСУ О «ПЕРЕОЦЕНКЕ КИПЛИНГА»

Сто лет назад в Бомбее родился Джозеф-Редьярд Киплинг. Ему не исполнилось еще и тридцати пяти лет, а его писательская слава уже достигла полного расцвета. По свидетельству английских критиков, молодого

Киплинга читали больше, чем его великих предшественников — Чарльза Дикенса и Вальтера Скотта.

К 1936 году, году смерти Киплинга, его слава значительно померкла. Джеймс Поп-Хенесси¹ в статье, напечатанной в английской газете «Санди Таймс» и посвященной столетней киплинговской годовщине, относит закат этой славы за счет того, что «идеалы империи, которые возвеличивал Киплинг, уже перестали вдохновлять и интересовать его соотечественников». Слово Киплинга было обращено к современникам, констатирует Д. Поп-Хенесси, оно не волнует теперешнюю молодежь, да и людям среднего поколения Киплинг не говорит ничего.

«Так что нам Киплинг?» — весьма патетически вопрошает критик. О том, что вопрос этот не праздный, свидетельствует и дискуссия, развернувшаяся на страницах «Марксизм тудей»², теоретического журнала Коммунистической партии Великобритании. Дискуссия называется «Переоценка Киплинга» и представляет, несомненно, литературный и общественно-исторический интерес.

Пожалуй, нет более противоречивой личности среди английских писателей конца XIX — начала XX века, чем Редьярд Киплинг. «Бард империализма» был талантливым прозаиком и поэтом, художником-реалистом. Творчество писателя реакционных политических взглядов, близкого правящим кругам современной ему Англии, находило признание среди рабочего класса его страны. Чем объяснить это противоречие и как относиться к Киплингу сегодня? Следует ли все его творчество признать идейно порочным, отрицать реальную познавательную ценность его произведений и считать их достоянием истории литературы? На такой позиции стоит критик Уолтер Эш. Но существует и другая точка зрения: Джек Данмен, выступивший с большой статьей в августовском номере «Марксизм тудей», считает, что переоценка Киплинга необходима. При этом он ссылается на советское литературоведение, отмечая, что нашей критике свойственно высоко оценивать дарование Киплинга.

Следует отметить, что подобное отношение к Киплингу было характерно еще и для русской дореволюционной критики. А. Куприн в своих заметках об английском писателе говорил о «волшебной увлекательности фабулы, необычайной правдоподобности рассказа, поразительной наблюдательности, остроумии, блеске диалога, сценах гордого и простого героизма, точном стиле... бездне знаний и опыта». И в то же время Куприн справедливо видел в «великом мастере» писателя, «прославлявшего и возвеличивавшего английскую завоевательскую миссию», и отмечал, что реакционный образ мышления — «узость идеалов», «слепой национализм» — заслоняет в нем «художника и человека».

Советское «киплинговедение» при резко критическом отношении к Киплингу — апологету империализма всегда, однако, подчеркивало, что «реакционный характер взглядов Киплинга не должен помешать правильной оценке его как писателя»³. Эта же точка зрения лежит в основе статьи Т. Мотылевой о Киплинге, опубликованной в третьем томе «Истории английской литературы»⁴. На эту статью и ссылается Д. Данмен. Он стремится навести какой-то «по-

¹ James Pope-Hennessy, Kipling and Co, «Sunday Times», 7.XI.65.

² «Marxism Today», August—October, November, 1965.

³ А. Аникст, История английской литературы, Учпедгиз, М. 1956, стр. 389.

⁴ «История английской литературы», т. III, Изд. АН СССР, М. 1958.

рядок» в сумятице противоречивых «отношений» к Киплингу со стороны прогрессивной печати Англии. Он цитирует слова «Дейли Уоркер», свидетельствующие о большой популярности Киплинга среди английской учащейся молодежи, приводит отзыв журнала «Коммент», высказывающегося о нем с «глубокой неприязнью», ссылаясь на то, что Палм Датт в майском номере «Лейбор Мансли» «часто с симпатией говорит о Киплинге». Далее Д. Данмен переходит к анализу «нападок» на Киплинга. И прежде всего обращается к вопросу о его «империалистическом кредо». Он пишет: «Естественно, что дела и проблемы империализма были важны для него. Но все больше и больше внимание Киплинга привлекали его проблемы, а не фальшивые достоинства, и он видит эти проблемы прежде всего как историк и художник, а не как пропагандист... Ему не были неведомы противоречия системы, в которой он жил и которую целиком принимал. Знаменитое стихотворение «Уход», написанное до 1914 года, уже не является вариантом «Страны надежды и славы»,— это полная ужаса и страха мольба о том, чтобы систему не постигла судьба, которую она сама на себя навлекает».

Д. Данмен обращается к вопросу о гуманизме и демократичности Киплинга. На наш взгляд, он впадает в полемическое преувеличение, говоря, например, что роман «Ким» «захлестывает волна понимания индийского народа и любви к нему». Но Д. Данмен прав, предлагая внимательно разобраться в этом вопросе. Возможно ли, что каждое проявление симпатии и внимания со стороны Киплинга к так называемым «простым людям», будь то англичане или индусы, было только демагогическим приемом? И не следует ли отказаться от традиционного обвинения Киплинга в «вульгарности», которое он заслужил от своих современников за то, что смело вводил в литературный язык «просторечные обороты»?

Затрагивает Д. Данмен и отношение Киплинга к войне. Он пишет, что в конце жизни Киплинг относился к ней с «глубокой ненавистью», имея в виду войну 1914 года, на которой он потерял сына. Д. Данмен считает, например, что роман «Мэри Постгейт» (1915) вдохновлен отнюдь не ненавистью к немцам, а «отвращением к войне». Для Киплинга одинаково неприемлемы и немецкий летчик, обрушивший смертоносный груз на дом, где жила маленькая девочка Эдна (вот ее тело, разорванное взрывом на «множество цветных ленточек»), и воинственная старая англичанка Мэри Постгейт, наслаждающаяся видом агонии этого раненого летчика.

«Мы и наше движение,— кончает Д. Данмен свою статью,— были бы беднее, если бы не видели всего этого за неприятными сторонами и чувствами, которые тоже — часть Киплинга».

В октябрьском номере «Марксизм тудей» продолжена дискуссия о Киплинге. С критикой статьи Д. Данмена (а ей действительно свойственна некоторая идеализация писателя) выступает У. Эш, совершенно отрицательно оценивающий и личность и творчество Киплинга. Станным кажется его возражение Д. Данмену по поводу эволюции Киплинга в отношении войны. Создается впечатление, что Киплинг здесь — лишь предлог для иеремиады по адресу «многих пацифистов, которые испытывают такой ужас перед войной, что поддаются ядерному шантажу и понуждают жертвы империалистической эксплуатации избегать риска вооруженного конфликта, к которому могло бы привести сопротивление агрессии».

На страницах «Марксизм тудей» выступили со своими суждениями о Киплинге Альберт Хилл и Д. Лесли. Они разделяют точку зрения Д. Данмена. А. Хилл, в частности, пишет: «Обвинение Киплинга в «архджингоизме» должно рассматривать — как и подобает марксистам, — учитывая современную общественную атмосферу. В тот период большая часть рабочего класса была настроена проджингоистски, о чем свидетельствовали массовые демонстрации в начале бурской и первой мировой войн». Д. Лесли цитирует некоторые стихотворения Киплинга, в которых явственно звучит отрицательное отношение к войне. В одном из них с довольно едкой иронией говорится о «виндзорской вдове» (королеве Виктории), во славу которой «бедные нищие», рядовые англичане, одетые в солдатскую форму, погибают на «варварских войнах».

Стремление диалектически исследовать творчество Киплинга меньше свойственно буржуазному критику Д. Поп-Хенесси, хотя он тоже ставит целью оценить наследие Киплинга «с поправкой» на сегодняшний день. Киплинговское «империалистическое кредо» не вызывает у Д. Поп-Хенесси никаких сомнений. Но для него оно — нечто застывшее, неизменное, не претерпевшее ровно никаких изменений на протяжении всей жизни писателя.

Современные Киплингу литераторы обвиняли его в том, что он привнес в английскую литературу «культ грубости». Вспоминая об этом, Д. Поп-Хенесси пишет: «По сравнению с сегодняшним культом насилия в литературе, на сцене, экране кино и телевидения и... что хуже всего, в повседневной жизни в грубости Киплинга нет ничего, что может шокировать современного человека».

Д. Поп-Хенесси признает ограниченность реализма Киплинга. Он не объясняет истоков этой ограниченности, вытекавшей из реакционности мировоззрения писателя, не позволявшей ему в полной мере критически нарисовать деятельность английских колонизаторов в Азии и Африке, но замечает: «Киплинг не очень-то стремился показать, чем англичане занимались в Индии и по какому праву вообще там находились...»

Д. Поп-Хенесси тоже начинает разговор о «двойственности» Киплинга и в качестве примера приводит опять-таки стихотворение «Уход», но никак не проясняет того, что же понимать под «двойственностью». Для критика в этом стихотворении звучит только тема возвеличения британской империи. Он не замечает ни его мрачности, ни тона тяжелого раздумья, ни ощущения обреченности того строя жизни, которому служил Киплинг.

Д. Поп-Хенесси заключает свою статью следующим выводом: «Киплинг никогда не был путеводной звездой, он был лишь зеркалом настроений эпохи». А так как эта эпоха, по его признанию, «мертва», то и Киплинг для него — лишь достойный доверия летописец...

Скоро исполнится тридцать лет со дня смерти Киплинга. За этот короткий срок яснее определилась его литературная судьба. Она во многом зависит от того, что он поставил свой талант на службу «идеалам» преходящим и бесчеловечным. Сама буржуазия, в лице своей критики, вопрошает: «Что нам Киплинг?» — и это глубоко закономерно, потому что для нее он всегда был прежде всего «строитель империи», над которой «никогда не заходило солнце». Теперь, сдавая в архив бывшее могущество, она уступает прошлому и одного из самых талантливых своих художников.

М. ТУГУШЕВА
